

И. Непомнящий

О реминисцентной структуре повести И.С. Тургенева “Фауст”

1. Повесть И.С. Тургенева “Фауст” перед современниками предстала как произведение, во многих отношениях экспериментальное. Экспериментальность её обусловлена самим авторским замыслом – транспонировать проблематику трагедии Гете в систему национальной традиции – и проявляется на разных уровнях. Один из таких уровней – чрезвычайная даже по меркам тургеневской прозы 1850-х годов насыщенность текста цитатами и аллюзиями, в конечном счете образующими особую реминисцентную структуру. В рамках этой структуры, помимо очевидного пласта, связанного с трагедией Гете, доминирующую роль играют “тютчевский” и “пушкинский” пласты.

2. “Тютчевское” в повести Тургенева выступает в двух планах.

1) В “Фаусте” непосредственно процитирована вторая строфа из тютчевской миниатюры 1851 года “День вечереет, ночь близка...”. Значение данной стихотворной вставки выходит далеко за пределы частной отсылки к лирическому тексту. Восстанавливая в сознании читателя весь проблемно-содержательный план тютчевской пьесы, она оказывает воздействие на пейзаж (сцена “несостоявшегося свидания” между Павлом Александровичем и Верой Николаевной), пересекается с портретными характеристиками героини, указывает на противоречивость и двойственность её натуры: с одной стороны, “воздушный житель”, ангел, с другой – “страстная женская душа” и т.д. Прямое соответствие приводимые Тургеневым строки находят в репликах Веры о её отношениях с матерью.

2) Иной тютчевский план, прослеживаемый в “Фаусте”, связан с общим трагическим пониманием любви и опирается на системные философские и психологические переключки с хорошо известной Тургеневу любовной лирикой Тютчева начала 1850-х годов (“О, как убийственно мы любим...”, “Предопределение”, “Близнецы” и др.). Особое значение для автора “Фауста” приобретает миниатюра “О, не тревожь меня укорой справедливой!”, в которой Тютчев проецирует на личную судьбу (и на русскую жизнь середины века) “миф о Пигмалионе”. История взаимоотношений Веры Ельцовой и П.Б. выглядит как расширенный и обретший сюжетную основу прозаический комментарий ко второму четверостишью указанной пьесы.

3. Обращение Тургенева к тютчевской лирике именно в “Фаусте” не случайность. В сознании автора повести личность и творчество Тютчева было тесно переплетено с личностью и творчеством Гете (знакомство с тютчевскими переводами фрагментов гетевской драмы, статья 1854 года, августовское письмо 1873 года Фету). Решающий момент соприкосновения двух авторов, по Тургеневу, исключительное внимание обоих к проблеме личности, человеческого Я, как ключевой проблеме современного мира. Тютчевская поэзия 1850-х годов по многим параметрам как нельзя лучше подходила на роль “посредника”, призванного через лирику “адаптировать” стихотворную драму Гете к русской национальной традиции.

4. Однако Тургенев нуждается еще в одном посреднике, нужно было перенести на русскую почву проблематику и поэтику гетевского “Фауста” не только как произведения поэтического, но и как драмы. С решением этой задачи связан прежде всего “пушкинский” план в повести. По меньшей мере четыре пушкинских произведения так или иначе представлены Тургеневым в “Фаусте”. Два из них эксплицированы (цитата

из стихотворения “Разговор книгопродавца с поэтом” и беглое упоминание об “Онегине”); два других представлены имплицитно (поэма “Полтава” и – в особенности – трагедия “Каменный гость”). Связи “Фауста” с последней проступают на разных уровнях – от акцентированной Тургеневым перефразировки монолога Лауры (описание мадридской ночи) до параллелей в сценах свидания Дон Гуана и Анны, с одной стороны, и Веры Николаевны и Павла Александровича – с другой (мотив рокового поцелуя и явления вслед за ним могущественного призрака). Пушкинский “миф о губительной статуе” (Р. Якобсон) трансформируется у Тургенева в миф о “карающем портрете”. Помимо апелляции к пушкинской драме, Тургенев обращается и к другим драматизированным текстам Пушкина – стихотворению и поэме. Не очевидные, иногда едва уловимые аллюзии, ведущие к пушкинской драматургии и квазидраматургии, выполняют функцию своего рода призмы, “преломляющей” проблематику и поэтику гетевского “Фауста” именно как драматического произведения.